

ИВАН ШМЕЛЕВ И ЕГО ПЕРЕВОДЧИКИ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК*М.Ю. Смирнова*

Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет

m.smirnova89@mail.ru

Рассматривается взаимоотношение И.С. Шмелева и его переводчицы Ребекки Кандрейя. Анализируется немецкий перевод «Истории любовной» и дается его оценка. Показывается, почему обвинения О. Бредиус-Субботиной и И. Ильина можно считать необоснованными.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, Р. Кандрейя, И. Ильин, «История любовная».

И.С. Шмелева печатали, издавали и переиздавали, переводили почти на все языки Европы (английский, немецкий, французский, испанский, венгерский, итальянский, латвийский, голландский, польский, румынский, сербско-хорватский, словацкий, шведский, чешский), приглашали выступать с лекциями в Голландию, Швейцарию (Цюрих), Латвию (Ригу), на русских факультетах профессора-слависты читали о нем лекции как о самом русском писателе. Его творчество ценили такие выдающиеся зарубежные писатели и критики, как Редьярд Киплинг, Сельма Лагерлеф, Ромен Роллан, Герман Гессе, Герхардт Гауптман и многие другие. Именно за него, а не за Бунина и Мережковского, писали ходатайства в Шведскую Академию Наук для присуждения Нобелевской премии И.А. Ильин, Томас Манн, Кэти Манн (переводчица И.С. Шмелева и двоюродная сестра жены Томаса Манна), Николас ван Вейк, выдающийся голландский славист и многие другие. И.А. Бунину И.С. Шмелев представлялся одним из самых сильных конкурентов, и страстное желание получить Нобелевскую премию стало одной из причин разлада между писателями.

Особенно много произведений писателя было переведено на немецкий язык. И именно немецкие переводы своих произведений отсылал писатель для ознакомления и критики своим друзьям в Голландию, в Швецию и другие страны.

В одном из писем к Ольге Бредиус-Субботиной И.С. Шмелев называет, по-своему мнению, своих лучших переводчиков на немецкий язык. Одним из них был Артур Лютер (1876 – 1955) – славист, историк литературы, писатель и директор библиотеки. По существующим на данный момент каталогам в немецких библиотеках мы можем сказать, что больше всего он переводил Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, М.Ю. Лермонтова и А.М. Ремизова. Как много переводил он И.С. Шмелева, сейчас сложно сказать: из-за непопулярности произведений И.С. Шмелева в Европе в настоящее время (многие современные слависты немецких вузов даже не слышали о таком писателе) в онлайн каталогах библиотек не всегда числятся переводы произведений

И.С. Шмелева, выполненные А. Лютером. О его личных взаимоотношениях с И.С. Шмелевым также ничего не известно.

Другим ценным для писателя переводчиком была Кэти Розенберг (1886?/1883 – 1960). О ней в одном из писем И. Ильину И.С. Шмелев писал: «Чудесная душа! Умница. Ее двоюродная сестра – жена Томаса Манна. У ней большие знакомства в литературном мире. Я знаю, что для меня она всегда готова, как друг, похлопотать. Чуткая душа. Любит русских...» [1, с. 257]. Писатель не раз прибегал к ее помощи, в частности, чтобы выйти на связь с Томасом Манном. А Томас Манн, в свою очередь, был в курсе событий, происходящих со Шмелевым благодаря ее посредничеству. Из-за того, что у Кэти Розенберг были еврейские корни, ей вместе с сестрой Ильзой пришлось в 1939 г. бежать из Берлина в Лондон, где они прожили до 1945 г. Кэти Розенберг также, как и Артур Лютер, переводила русских классиков. К ее услугам прибегал не раз И.С. Бунин. После ее переезда в Лондон связь со Шмелевым прерывается. Умерла переводчица в Швейцарии.

Но самой неоднозначной фигурой среди всех переводчиков писателя, на наш взгляд, была Ребекка Бернгардовна Кандрея (из Швейцарии, 1882-1972), чей труд был неocenим как для самого писателя, так и для его продвижения и популяризации среди иностранцев. О ней известно немного: она закончила гимназию в Риге, училась в Германии на врача, была доктором медицинских наук, но по профессии не работала, а занялась переводами произведений русских писателей на немецкий язык. Ее имя упоминается в переписке с Ольгой Бредиус-Субботиной в двух основных контекстах: в связи с планами И.С. Шмелева (на тот момент живущего во Франции) приехать в Швейцарию и в рамках обсуждения переводчиков и их уровня работы. К услугам Ребекки Кандрея писатель прибегал и при решении бытовых проблем, например, когда хотел переслать в Голландию О.А. Бредиус-Субботиной пакет с продовольствием.

В переписке «двух Иванов» Кандрейя (занимающая 16 строк в указателе имен) присутствовала, начиная с 1931 г., причем чаще нее (не считая жен корреспондентов и близких Шмелеву членов семьи Карташевых в Париже) упоминались только Иван Бунин и А.С. Пушкин.

Сам Шмелев судить о качестве своих немецких книг не мог¹, но был убежден, что переводчики и нерусские читатели вообще его не понимают и понять не могут. В одном из писем к О.А. Бредиус-Субботиной он писал: «Пусть постигают, недоросли. Им и не снилось такое «всматривание» в данную Богом человеку – жизнь! Им и не приснится никогда...» [2, с. 105]. Т. Марченко в книге «Русские писатели и Нобелевская премия» цитирует характерное для И.С. Шмелева высказывание: «европейцы, в большинстве, очень мелки, маленькие они (хотя бы и были художниками)» [3, с. 288]. Отправляя

О.А. Бредиус-Субботиной экземпляры книги «Am Meer» (в оригинале у И.С. Шмелева произведение называется «На морском берегу», в переводе же звучит как «На море») в марте 1946 г., он спрашивал ее мнения в письме от 6 марта 1946 г.: «Напиши, должно быть перевод *лихой?*» [2, с. 404]. На что та ему отвечала, что Кандрейя испортила «Am Meer» и что следует переводить произведения И.С. Шмелева тому, для кого его язык родной, для Кандрейя же русский и немецкий языки – не родные [2, с. 406 – 407].

Сразу по прочтении немецкого перевода «На морском берегу» (по сравнению с отдельным русским изданием 1930 г. – Шмелев Ив. На морском берегу. Белград: 1930 – в немецком переводе опущена последняя глава) Бредиус-Субботина высказала предположение, что Кандрейя перевела рассказ «не на немецкий язык ... а м.б. на швейцарский диалект?» [2, с. 100], который отличается во многом от немецкого языка лексикой (гельвецизмами – слова, употребляемые носителями швейцарского варианта немецкого языка), грамматикой (отсутствует род. пад., претерит, незафиксированное место в предложении изменяемой части сказуемого) и фонетикой. Теория о том, что Кандрейя пишет на швейцарском диалекте, подкрепленная ссылками на резко отрицательные отзывы И.А. Ильина, который к ней относился всегда с презрением, была принята на веру писателем, но не без доли колебания, потому что помимо Шмелевских произведений она переводила и Достоевского, и Чехова, и других русских писателей. К тому же немецкие и швейцарские критики хвалили произведения И.С. Шмелева в ее переводах. Успех своих произведений в Швейцарии И.С. Шмелев объяснял тем, что его произведения переводились как раз именно на швейцарский диалект.

У И. Ильина, который долгие годы оставался для И.С. Шмелева непрекращаемым авторитетом, было вообще сугубо презрительное мнение по поводу переводчицы, повторяемое им в письмах. Настойчивые просьбы Шмелева услышать мнение И.А. Ильина о переводе «Истории любовной», как и попытка наладить связь между двумя главными своими благожелателями в Швейцарии, наткнулись на недвусмысленную реакцию. К «доброму словечку» И.А. Ильин был явно не расположен. Обращения Кандрейя к нему в декабре он объяснял «категоризмом и навязчивостью, соответствующими ее расе» (еврейка), а ее письмо, написанное в ответ на его критику перевода, охарактеризовал как «злое до невежества; дерзкое до наглости» [1, с. 242]. Положительную рецензию на «Историю любовную» в Berliner Tageblatt Ильин объяснял тем, что «эта газета вся держится на еврейском кумовстве и есть очаг советофилизма и про-коммунизма» [1, с. 242 – 244]; сам же настаивал на том, что перевод Кандрейя «ничего не стоит» [1, с. 242 – 244] потому что:

«1). Шмелев поэт. Кандрейя абсолютна безмузыкальна: она рубит и составляет перепертые кусочки. Немецкий текст есть торцовая мостовая. Все

сухо, деревянно, жестко, мертво. Пишущая машина, канцелярская мертвечина etc.» [1, с. 242-244]. Действительно, если мы посмотрим на перевод, то увидим, что Кандрейя не сохраняет музыкальные повторы автора, вместо «... травка, на которую смотришь-смотришь», получилось «... erste Grashälmlchen am Zaun, auf die man schaut»², не передала переводчица и уменьшительно-ласкательные суффиксы (проталинка, ветерок, крестики куриных лапок, холодочек, снежок и т.д.), вместо этого – «aufgetaute Stellen, Wind, Spuren von Hühnerfüßen, kühl Luft, Schnee»³. Для передачи русских уменьшительно-ласкательных суффиксов в немецком языке служит суффикс «chen», который Кандрейя почему-то при переводе данного произведения использует очень мало: всего 1 раз в слове «Grashälmlchen» – стебельки травы (в оригинале у Шмелева: «травка»).

2) «Тончайший юмор Шмелевского оригинала на 95% погиб. Она ничего не передала... Деревянное плоское быдло об одном измерении торчит из бумаги черными зрачками» [1, с. 242-244]. Кандрейя не всегда передает разницу речи простолюдинов и образованных людей, на которой Шмелев иногда создает или комические эффекты, или играет смыслом: Паша, прислуга, заступаясь за гимназиста, главного героя произведения, говорит: «Заучились очень, экзаменты все учут!» У переводчицы данная фраза звучит так: «Sie sind durch das viele Lernen ganz müde geworden, lernen stets die Examente»⁴. Вместо разговорной речи, речи простолюдинов Кандрейя использует канцелярские конструкции.

3) «Русский язык она знает *неудовлетворительно*. *Многого не поняла* – и передала неверно!... То вставляет *отсебятину*!! Нагло, никчемно! Непонятное ей – просто пропускает... *Мой совет*: Кандре больше *не давайте ничего*... Спишитесь с Rentsch, чтобы он взял другого переводчика, а Гомельскую бабу (ведьму) пустите коноплю полоть или (так как она живет в кантоне Chur) – то кур разводить» [1, с. 246-250]⁵. Р. Кандрейя очень часто переводит «от себя». Например, само название «История любовная» переведено как Vorfrühling «Ранняя весна», тем самым нарушена смысловая нагрузка заголовка и неправильно передана сама идея произведения. Переводчица также грешит тем, что периодически вставляет небольшие куски «от себя»: уже в самом начале произведения есть лишняя фраза: «Lenz war es, sechzehnte meines Lebens»⁶, в то время как у И.С. Шмелева произведение начинается так: «Была весна, шестнадцатая в моей жизни». Очень часто встречаются замены слов, иногда влияющие на смысл: вместо Шмелевского «звонкого блеска» – klingenden Leuchten («звонкое свечение»), вместо «замирает сердце» – das Herz sockt («останавливается сердце»), вместо «сыплющееся сверканье капель» – rieselndes Funkeln von Tropfen («струящееся мерцание капель»), если у Шмелева «все смешалось в ... блеске», то в переводе «alles war zu einem Leuchten verschmolzen» («все сливается в свечении»), снежок рассыпается у автора «на крупинки, в бисер», в переводе же – zu Kornchen und Perlen («на зернышки и жемчужины»), у Шмелева «светлая

кофточка на галерее, волнующая своим мельканием», в переводе «die helle Bluse auf der Veranda» («светлая блузка на веранде, волнующая своим появлением»). В некоторых местах переводчица не передает прямую речь второстепенных героев, например, зывание старика-разносчика: «и-ех-и груш-ки-дульки варе-ны!» Меняет переводчица и цветовую гамму пейзажа, добавляя от себя оттенки: лужи вместо голубых получаются у нее небесно-голубыми (himmelblauen Tümpel). Пропадает в переводе иногда и творительный падеж, который в немецком языке выражается дательным падежом с соответствующим предложением. У Р. Кандрейя творительный падеж, который в оригинале произведения выражен существительными, превращается в определения, выраженные прилагательными, что в свою очередь тоже влияет на смысл, ритмику текста и благозвучие: у Шмелева «воздух, необыкновенно легкий, с теплом и холодочком», в переводе die ungewöhnlich leichte Luft, warm und kühl zugleich («необыкновенно легкий воздух, теплый и прохладный одновременно»).

Добавляя от себя мелкие детали, заменяя слова другими, меняя грамматические конструкции, Р. Кандрейя лишает переводы всей красоты Шмелевского стиля, какого-либо «пения», благозвучности. Немецкий текст становится тяжеловесным, бедным и не таким красочным. Часто происходит смешение стилей. Однако анализ переводов Р. Кандрейя показывает отсутствие признаков швейцарского диалекта. Так что подозрения И. Ильина и О. Бреддиус-Субботиной, что переводчица использует данный диалект, не оправдываются.

Из-за того, что многие письма из переписки И.С. Шмелева не сохранились, сложно сказать, как отнеслись к переводу «Истории любовной» другие читатели и критики. Известно, что Томас Манн читал это произведение в переводе Р. Кандрейя и очень его хвалил. А вот перевод «Няни из Москвы», который изначально был сделан Р. Кандрейя, Эрвин Бартельс, директор немецкого издательства Eckart Verlag, и А. Лютер, немецкий переводчик, в чьем переводе сейчас можно найти это произведение на немецком языке, резко критиковали и предлагали выполнить перевод другому переводчику, которым стал А. Лютер.

Несмотря на свое весьма пренебрежительное отношение к переводчице, И. Ильин дает И.С. Шмелеву своеобразный «совет», который выражает его отношение ко всем «не русским», и к евреям в особенности: «Эта суетливая и пролазливая еврейка с расчетом в сердце и медом на губах... лишена музыки, она не поет и у нее не поет – суконная канцелярщина, сухостой сирийский. Но Вы ею пользуйтесь» [1, с. 250-251] (письмо от 13 января 1932 г.). Изначально И.С. Шмелев противился этому совету и зывал к совести И. Ильина, говоря, что это то же самое, что «наплевать в душу»... как бы он мог смотреть в глаза Кандрейе [1, с. 381]. Но через какое-то время И.С. Шмелев сдался и стал следовать совету А.И. Ильина, который и сам не гнушался поступать подобным образом, когда просил Р. Кандрейя через И.С. Шмелева поместить его статьи в

швейцарские издания. В письмах И.С. Шмелева к Р. Кандрейя появилось больше сдержанности и настороженности, но все равно писатель по-прежнему переживал за ее судьбу и не изменял слову, если обещал прислать переводчице что-то для перевода, хотя были и другие варианты.

Переводы И.С. Шмелева на немецкий язык, за считанным исключением, не переиздавались уже с 1970-х гг. В настоящее время ни одной из его книг на немецком языке нет в продаже (за исключением старых изданий, которые распродаются на Ozon или e-bay). Последняя исследовательская работа, диссертация Вольфгана Шрика (Wolfgang Schrick) датируется 1987 г. В ограниченности интереса к этому писателю за рубежом и в усиленном внимании к нему в сегодняшней России есть своя закономерность. Но представления современных иностранных читателей о чаяниях и мировоззрении старшего поколения русской литературной эмиграции остаются при этом неполными.

Примечания

1. «Сейчас прочитал статью о Шмелеве ... в скверном русском переводе, сделанном для меня, моей переводчицей «Кандрюшки», как ее И.А. Ильин величает (они любят друг друга, как кошка и фокс-терьер), – и я ведь «малообразованный» и потому слаб в немецком языке». Шмелев и Бредиус-Субботина. Роман в письмах. Письмо от 19 февраля 1942 г. Т. 1. С. 516.

2. «... стебельки травы у изгороди, на которые смотришь». Зд. и далее перевод с нем. яз. на русский автора статьи.

3. «Расставшие места», «ветер», «следы от лап куриц», «прохладный воздух», «снег».

4. Они уставшими стали из-за учебы, экзамены сдают.

5. Упоминается Dr. Eugen Rentsch, владелец и издательства Rotapfel («Красное яблоко») в пригороде Цюриха Erlenbach. После «Истории любовной» в 1931 г. Других произведений Шмелева не издавал.

6. «пустым он был, шестнадцатый год моей жизни».

Список литературы

1. Иван Ильин, Иван Шмелев. Переписка двух Иванов (1927–1934) / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. 555 с.
2. И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина. Роман в письмах. В 2 т. М. «РОССПЭН», 2003 – 2005.
3. Marcenko Tatjana. Russische Schriftsteller und der Literaturnobelpreis (1901 – 1955). By Böhlau Verlag GmbH und Cie, Köln, Weimar Wien. 2007. 635 s.
4. Vorfrühling. Übersetzung Rebecca Candrea. Erlenbach-Zürich und Leipzig: Rotapfel-Verlag. 1931. 98 S.
5. Бонгард-Левин Г.М. Бонгард-Левин. Письма и автографы Бредиус-Субботиной в Голландии // Новое лит. обозрение. 2000. № 44.
6. Шмелев И.С. История любовная // Шмелев И.С. Собр. Соч.: в 5 т. Т. 6, дополнительный. М.: Рус. книга, 1999. 506 с.